

ФИЛОЛОГИЯ ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

УДК 81'33

ЯЗЫКОВЫЕ ЛАКУНЫ И БЕЗЭКВИВАЛЕНТНЫЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ КАК КЛЮЧ К ПОНИМАНИЮ СПЕЦИФИКИ НАЦИОНАЛЬНОЙ КОНЦЕПТОСФЕРЫ

© 2008 г.

О.М. Смирнова

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

oksana_smirnova@yahoo.com

Поступила в редакцию 14.05.2008

Рассматриваются безэквивалентные лексические единицы и языковые лакуны на конкретном материале русского и английского языков. Выявление таких единиц представляет собой один из этапов описания языковой картины мира, особенно значимый для глубинного понимания специфики национальной концептосферы. Теоретические рассуждения дополняются и подтверждаются лексико-семантическим анализом безэквивалентной лексемы *кара* в русском языке. Лингвокогнитивное исследование выявляет отсутствие специфических средств языкового выражения данной лексемы в английском языке и позволяет предположить наличие лакуны в смысловом пространстве данного языка и отсутствие соответствующего концепта в английской национальной концептосфере.

Методологической базой работы служат труды представителей Воронежской школы когнитивной лингвистики (З.Д. Попова, И.А. Стернин, А.В. Рудакова и др.).

Ключевые слова: безэквивалентные лексические единицы, языковые лакуны, национальная концептосфера.

В современной отечественной и зарубежной лингвистике все большее внимание уделяется вопросу соотношения языка народа и его национального сознания, его когнитивной картины мира, его национальной концептосферы. Разные явления из истории народа запечатлеваются в его памяти и закрепляются в языке, наряду с уникальными и специфическими для каждой сформировавшейся зрелой нации представлениями о действительности. Особенности истории и культуры народа сначала осмысляются и становятся неотъемлемой частью национального мышления и национальной концептосферы, и лишь затем получают языковое выражение и включаются в лексико-семантическое пространство языка.

Значения языковых знаков, составляющих совокупное семантическое пространство языка, образуют вторичную языковую картину мира, опосредованную языком и представляющую собой совокупность зафиксированных в нем представлений народа о действительности на определенном этапе развития. В отличие от языковой, первичная и непосредственная когнитивная картина мира представлена концепта-

ми, образующими концептосферу нации, группы или индивидуума. Она создается в результате прямого познания сознанием окружающей действительности при помощи органов чувств и абстрактного мышления, она системна и включает в себя как содержательное, концептуальное знание о действительности, так и совокупность ментальных стереотипов, определяющих понимание и интерпретацию тех или иных явлений действительности.

В современных лингвокогнитивных исследованиях описание языковой картины мира является инструментом изучения первичной картины мира, средством описания концептосферы народа. Это представляется возможным, потому что языковая и когнитивная картины мира тесно связаны между собой, ведь мышление народа фиксируется и номинируется языком (хотя и не опосредуется им в полной мере). Следовательно, изучение представлений о действительности, зафиксированных в языке определенного периода, позволяет косвенно судить о мышлении народа и когнитивной картине мира в этот период. Тем не менее следует понимать, что когнитивная картина мира гораздо шире языко-

вой, поскольку далеко не все содержание концептосферы названо в языке и не все концепты имеют языковое выражение и становятся предметом коммуникации.

Однако, несмотря на то что языковая картина мира лишь частично отражает концептосферу и позволяет судить о ней исключительно фрагментарно, более удобного доступа к концептуальной картине мира, чем через язык, по-видимому, не существует. По сей день о наличии или отсутствии концепта в сознании народа можно судить с максимальной точностью именно по наличию или отсутствию языковых единиц, позволяющих обсуждать концепт и передавать его в процессе общения. А именно в наличии или отсутствии тех или иных концептов, выявляемых в процессе сопоставительного исследования, наиболее ярко проявляется национальная специфика концептосфер.

Данная статья ставит целью показать значимость изучения языковой картины мира для понимания специфики национальной концептосферы. Описание языковой картины мира включает не только описание членения действительности, отраженного языком в языковых парадигмах, и описание национальной специфики значений языковых единиц, но и выявление эндемичных (безэквивалентных) и отсутствующих единиц (лакун) в системе того или иного языка. Мы проводили лингвокогнитивное описание лексемы *кара* и эксплицируемого с ее помощью концепта на материале русского и английского языков, сопоставляя, таким образом, языковую и когнитивные картины мира на примере отдельно взятой лексемы и отдельного концепта методами как семантического, так и концептуального анализа.

При лингвокогнитивном исследовании параллельно используются и методы контрастивной лингвистики, позволяющие выявить языковые средства выражения концептов на фоне разных языков и, таким образом, уяснить национальную специфику концептов, увидеть различие между концептом и значением слова. Сравнение набора семантических признаков лексемы одного языка с набором семантических признаков эквивалентной лексемы другого языка выявляет национальную специфику в составе и в удельном весе когнитивных признаков эквивалентных концептов разных языков. В зеркале другого языка можно заметить такие признаки «родного» концепта, которые ранее ускользали от внимания. Многие признаки концепта носителю языка кажутся самоочевидными, обязательными, без которых концепта не существует, однако при сопоставлении с когнитивными признаками аналогичного концепта

другого языка выясняется, что данный признак является ярким, оригинальным, но сугубо интернациональным.

На самом первом этапе исследования обращение к двуязычным русско-английским словарям [1] показало, что основными переводными соответствиями лексемы *кара* являются те же слова, что и для лексем *наказание* и *возмездие*, а именно *punishment*, *penalty* и *retribution*. Данные обратного перевода свидетельствуют, что *punishment* главным образом переводится как «наказание», *penalty* – как «наказание, взыскание, штраф», *retribution* – как «возмездие, наказание, кара». Следовательно, лексема *кара* не имеет специфических средств языкового выражения в английском языке и может считаться лакуной английского языка и безэквивалентной единицей русского языка. Под лексической лакуной мы вслед за представителями Воронежской школы когнитивной лингвистики (З.Д. Поповой, И.А. Стернина, А.В. Рудаковой и др.) понимаем отсутствующую в одном языке и присутствующую в другом/других лексическую единицу [2]. Соответственно безэквивалентная лексическая единица – это единица, присутствующая в одном языке и отсутствующая в другом.

Таким образом, можно предположить, что и концепт «кара» не имеет полноценного самостоятельного значения в английской национальной концептосфере, являясь культурно нерелевантным для английского менталитета и «растворяясь» в концептах «наказание» и «возмездие». Однако в связи с проблемой лексической лакунарности у исследователей неизменно встает вопрос о том, означает ли лексическая лакуна во всех случаях отсутствие и соответствующего концепта в концептосфере данного народа. Ведь отсутствие стабильного, системного языкового выражения для какого-либо концепта далеко не всегда свидетельствует об отсутствии концепта в концептосфере народа, так как концепты могут не иметь общеязыкового выражения, будучи либо индивидуально-личностными, либо коммуникативно нерелевантными (т.е. не нуждаться в силу тех или иных причин в обсуждении, оставаясь при этом структурными единицами мышления). При этом явление или предмет может существовать в национальной культуре, но сознание народа этот предмет или явление не концептуализировало, так как не заметило его; причины этого феномена требуют особого исследования в каждом конкретном случае. Так, лексемы *быт*, *сутки*, *кипяток* не имеют точных аналогов в английском, немецком, французском языках; но было бы несправедливо говорить об отсутствии соответствующего концепта в когнитивных карти-

нах мира данных народов. Аналогично в русском языке нет специального слова для обозначения концепта «живое существо, которое держат дома для забавы» (ср. англ. *pet*), но сам концепт, безусловно, существует.

Безэквивалентные единицы, в отличие от лакун, дают более четкое представление о национальной концептосфере и однозначно свидетельствуют о наличии в сознании народа соответствующего концепта. Поэтому нам представляется, что в русской национальной концептосфере концепт «кара» занимает свое законное место, и это подтверждается результатами лингвистического анализа соответствующей языковой единицы.

Характерно, что в русских энциклопедических и профессиональных словарях (например, в Большом юридическом словаре [3]) лексема *кара* как заглавная не представлена; в таких словарях толкуется лишь более общее понятие о наказании. Толковые словари также отсылают нас к соотносительным понятиям, определяя кару как «возмездие, суровое наказание за проступки/преступления» [4].

Этимологические словари позволяют выявить этимон, внутреннюю форму интересующей нас лексемы. *Кара* здесь также объясняется как «тяжелое, жестокое наказание или возмездие». Это общеславянское слово является отглагольным производным от **karati*. Некоторые этимологи связывают его со словами *корить*, *укор* (с продлением корневого вокализма **o* → **ō* (а)), причём одно из значений основы *кор-* – обида, оскорбление (ср. древнерусское и церковнославянское *корити* «ругать; хулить; осуждать», диалектное славянское *korit'sa* «насмехаться» и старопольское *korzyć* «мучать»). Эту точку зрения подтверждают данные различных языков: ср. латинское *carināre* «насмехаться», латышское *karināt* «дразнить», церковнославянское и сербохорватское *кара* «брань», *ка̑р* «укор» и *карати се* «ссориться, браниться», словенское *karati* «укорять, порицать, делать выговор», чешское *karati* «упрекать, укорять, делать выговор», сербское и старославянское *кара* «ссора», болгарское *карам се* «разговариваю с кем-либо в повышенном тоне; бранюсь; ссорюсь» [5]. Другие этимологи разграничивают лексемы *карать* и *корить*, полагая, что с течением времени обе группы стали смешиваться на славянской почве, но, исходя из значения «суровое наказание, возмездие» как основного, связывают общеславянское **kara*, где –**r*- может быть суффиксальным (ср. **mera*, **ъjskra*), с общеславянским **kaznъ* (с суффиксом –**zn-*) и, следовательно, с общеславянским **ka(j)ati* (ср. древнерусское *каяти* «порицать») [6]. Таким

образом, согласно последней точке зрения лексемы *кара* и *наказание* исторически являются однокоренными, что и объясняет значительное сходство в семантике и относительную синонимию. Внутренняя форма слов соответственно отражает изначальную связь кары и наказания с воздействием через слово.

Однако, несмотря на значительное семантическое сходство, говорить о полной синонимии лексем *кара* и *наказание* в русском языке не представляется возможным в силу ряда причин. Во-первых, лексема *кара* имеет такие уникальные дифференциальные семы, как «суровая», «стихийная», «Божественная», отсутствующие (или, по крайней мере, не доминирующие) в семантической структуре лексемы *наказание*. Лексемы *наказание* и *кара* имеют общую архисему – «воздействие на человека за проступок», но при этом ядерная дифференциальная сема в первом случае – «воздействие за преступление (в том числе телесное)», а во втором – «суровое божественное или стихийное воздействие». Во-вторых, лексемы *кара* и *наказание* различаются по функциональным семам, как стилистическим, так и частотным: первая из них – межстилевая и общеупотребительная, вторая – книжная и малоупотребительная [7].

Вывод о существовании концепта «кара» в русской национальной концептосфере и его значимости в сознании русского человека подтверждают и данные свободного ассоциативного эксперимента, проводившегося для выявления содержания концепта в сознании современных носителей русского и английского языков и тех когнитивных признаков, которые присоединились к концепту в последнее время и не могут быть выявлены при применении других методик. Метод свободного ассоциативного эксперимента заключается в предъявлении испытуемым слова-стимула, на которое они должны реагировать любой словесной реакцией, приходящей им в голову. Обработка результатов свободного ассоциативного эксперимента позволяет интерпретировать полученные ассоциаты как отражение тех или иных релевантных признаков исследуемого концепта. Эта методика широко применяется в когнитивных исследованиях и является достаточно эффективной, позволяя выявить содержание концепта в национальном языковом сознании, «послойное» строение концепта (ядро, базовый слой и периферию в его структуре) и место концепта в концептосфере, его системные и структурные связи.

Нами было опрошено 60 русскоязычных респондентов – студентов филологического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского в возрасте от 19 до 22 лет. Представляется, что на

ядро концепта в сознании современных носителей языка могут указывать наиболее частотные ассоциаты (те, что называли от одной трети до половины испытуемых). Оказалось, что ядро концепта «наказание» представлено компонентами «тюрьма», «боль», «преступление», ядро концепта «возмездие» – компонентом «мечь», а ядро концепта «кара» – компонентами «небесная, Божья». Из этого следует, что данные концепты, несмотря на значительное смысловое сходство, все же разделены в русском национальном сознании.

Базовый слой концепта «кара» представлен такими компонентами, как «Бог», «страх», «небо», «рок», «справедливость», «грех», «смерть», «судьба», «наказание», «страдание», «ад», «преступление», «боль», «вина», «жестокость», «убийство», «мука», «раскаяние», «человек» (от 5 до 18 реакций). На ближней периферии находятся «болезнь», «возмездие», «гром», «молния», «совесть», «стыд», «тяжесть», «ужас», «воздаяние», «грех», «грешник», «заслуженность», «расплата», «бегство», «беда», «безысходность», «Библия», «вечность», «злость», «мечь», «ненависть», «неотвратимость», «огонь», «одиночество», «отчаяние», «ошибка», «презрение», «пустота», «средневековье», «судья», «темнота», «терпение», «удар», «участь», «фильм», «цепи», «церковь», «чаша» (от 2 до 5 реакций).

Однако более половины от общего числа ассоциатов представлено единичными, то есть сугубо индивидуальными компонентами, образующими дальнюю периферию смысловой структуры концепта, такими как «бездна», «белый», «бордовый», «будущее», «величие», «вера», «война», «враг», «вывод», «глобальная», «голова», «гордость», «господин», «десница», «догма», «древность», «духота», «душа», «жертва», «зависть», «заточение», «зло», «испытание», «истина», «карма», «кража», «крах», «культ», «ложь», «мистика», «молитва», «музыки нет», «мысли», «надежда», «наставление», «незащищенность», «незнание», «неизбежность», «нервозность», «обман», «оковы», «осуждение», «откровение», «отречение», «очищение», «петля», «побег», «повинность», «погибель», «погост», «позор», «покаяние», «правда», «праведник», «правосудие», «предзнаменование», «преисподняя», «провидение», «проказа», «пытка», «религия», «самоубийство», «свет», «сила», «скитание», «следствие», «слезы», «стены», «суета», «сумасшествие», «темница», «тишина», «тьма», «улыбка», «умозаключение», «утрата», «человеческая», «черти», «эпидемия», «я», «яд» и многие другие. Вероятно, данный факт можно объяснить определенной долей абстрактности в значении слова-стимула и разночтениями в его со-

временном толковании и восприятии, но в то же время это свидетельствует о диверсификации представлений об изучаемом явлении в сознании носителей языка.

Также вызывает интерес значительное количество когнитивных литературных и кинематографических ассоциаций, таких как «Бочка Данаид», «Тантал», «Ветхий Завет», «Адам», «Апокалипсис», «Содом и Гоморра», «яблоко», «запретный плод», «потоп», «засуха», «заповеди», «конец света», «Страшный суд», «Вавилонская башня», «дьявол», «Катехизис», «колдунья», «ведьма», «костер», «еретик», «Мария Стюарт», «пират», «Джек Воробей», «Гроза», «Эдгар По», «Стругацкие». Достаточно часто встречаются и когнитивные ассоциации, связанные с эмоциями и оценкой и появляющиеся в процессе познания, культурного развития и приобретения эмоционального опыта: «боязнь», «безнадежность», «беспокойство», «гнев», «грусть», «душевная боль», «жалость», «жуть», «конец», «неизбежность», «несправедливая», «унижение», «скорбь», «сердце», «стон», «тревога», «холодно» и др. Подобные ассоциации свидетельствуют о достаточно высоком культурном уровне информантов, а их единичная частотность – о том, что наиболее значимые концепты культуры дифференцируются и наполняются личностным смыслом по мере развития личности и формирования индивидуальности.

Все вышеизложенное позволяет допустить сосуществование в русской языковой картине мира двух лексических единиц, *наказание* и *кара*, актуализируемых в разных ситуациях и сценариях, и предположить наличие в русской национальной концептосфере уникального и культурно-исторически обусловленного концепта «кара», отличающегося по ряду смысловых признаков от концепта «наказание».

И хотя отсутствие в лексической системе английского языка полного переводного соответствия лексемы «кара» предполагает иное по сравнению с русским языком когнитивное членение действительности в английской национальной концептосфере, нам еще предстоит обосновать, что отсутствие специфических средств обозначения концепта «кара» в английском языке, отсутствие его базовых вербальных репрезентаций свидетельствует об отсутствии соответствующего концепта, который не имеет самостоятельного значения в английской когнитивной картине мира, словно «растворяясь» в концептах «punishment» и «retribution».

Осложняет обоснование то, что при анализе межъязыковых лакун порой очень трудно провести грань между собственно лакуной (отсутствием единицы) и наличием неполного лекси-

ческого соответствия иноязычному слову – фактом проявления национальной специфики семантики языков. В последнем случае возможен тот или иной приблизительный перевод, не в полном объеме передающий смысловое содержание иноязычной единицы, но в то же время передающий определенную часть ее основного смыслового содержания. Является ли лексема *кара* мотивированной абстрактной лакуной английского языка, отражающей отсутствие абстрактного понятия или мыслительной категории? Или это всего-навсего неполное лексическое межъязыковое соответствие (неточное переводное соответствие) в русском и английском языках?

Вопрос о разграничении лакун и неполных межъязыковых лексических соответствий упирается в теоретическое разграничение понятий «эквивалент» и «соответствие». По-видимому, лакуны можно выделять в тех случаях, когда в языковой системе отсутствует эквивалент какой-либо единицы другого языка, а наличие переводного соответствия будет свидетельствовать о наличии национальной специфики семантики у сопоставляемых единиц. Вместе с тем наличие близких соответствий затрудняет выделение эквивалентов, и этот вопрос требует дополнительной разработки.

Если в дальнейшем будет доказана именно безэквивалентность лексемы *кара* в русском языке и наличие соответствующей лакуны в системе английского языка, возникает еще один вопрос. Является ли *кара* мотивированной или немотивированной лакуной? Отражает ли она отсутствие концепта «кара» в английской национальной концептосфере или же просто для данного концепта отсутствуют специфические средства лексического выражения, этот концепт в силу коммуникативных причин не имеет односложного наименования, являясь коммуникативно нерелевантным?

В любом случае изучение лексико-семантического пространства языка дает достоверные сведения лишь о той части концептосферы, которая в нем представлена. Поэтому вышеизложенные выводы о различном когнитивном членении русской и английской национальной концептосфер на данном этапе могут считаться лишь гипотезой и требуют более фундаментального обоснования в результате более тщательного и всестороннего сопоставительного изучения русского и английского национального менталитетов, что и является перспективой нашего исследования. Обнаружив в том или ином языке на фоне другого языка некоторую лакуну, мы не можем на этом основании однозначно утверждать, что у того народа нет в концептосфере соответствующего концепта: необходимо дополнительно тщательно проанализировать предметную, мыслительную и коммуникативную сферы народа, чтобы в этом убедиться. Вместе с тем любая лексическая лакуна служит сигналом для исследователя о возможном отсутствии концепта у народа, и все такие сигналы необходимо тщательно проверять.

Список литературы

1. Мюллер В.К. Новый англо-русский словарь. М.: Альфа-пресс, 2003.
2. Рудакова А.В. Когнитология и когнитивная лингвистика. Издание 2-е, исправленное. Воронеж: Истоки, 2004.
3. Большой юридический словарь, 2003 (on-line версия): <http://pravo-slovar.narod.ru/v.htm>
4. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. В 4-х тт. Т. 1. 2. М., 2000.
5. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4-х тт. Т. 2, 3. М., 1986–1987.
6. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. В 2-х тт. Т. 1. М., 1999.
7. Частотный словарь русского языка / Под ред. Л.Н. Засориной. М., 1977.

LINGUISTIC LACUNAS AND NON-EQUIVALENT LINGUISTIC UNITS AS A KEY TO UNDERSTANDING THE SPECIFICS OF THE SYSTEM OF NATIONAL CONCEPTS

O.M. Smirnova

The article investigates non-equivalent linguistic units and lacunas in the Russian language and in the English language. The comparison of these units is particularly important for thorough understanding of national concepts originality and peculiarity. Theoretical discourse is supplemented and supported with lexical and semantic analysis of 'kara' linguistic unit in the Russian language. Linguistic and cognitive research recognizes the complete absence of unique specific means for the verbal expression of this item in the English language, thus providing us the basis for suggesting that the related concept is also missing in the English system of concepts.

This article is based on theoretical and methodological research conducted within the Voronezh School of Cognitive Linguistics, represented by Z.D. Popova, I.A. Sternin, A.V. Roudakova and others.